

12+

Роман Ко
Человек с топорами

Роман Ко

Человек с топорами

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ко Р. В.

Человек с топорами / Р. В. Ко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Нелегка жизнь в средневековом городе. Но если у человека есть настоящее увлечение, то, чему он уделяет большую часть своего времени, тяготы жизни не кажутся такими уж страшными. И можно жить, с улыбкой на устах выполняя свою работу. В чём бы она ни заключалась.

© Ко Р. В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Роман Ко

Человек с топорами

Людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек сможет отомстить, а за большое – не сможет.

Никколо Макиавелли

Очень он любил свои топоры. Было их не менее трёх дюжин. Преобладали универсальные крестьянские топоры разных размеров. Почти не уступали им в количестве

массивные колуны. Много было боевых топоров с длинной лопастью и узким, часто закруглённым лезвием. Выделялась одна скандинавская секира с ассиметричным, скошенным лезвием, ей он пользовался достаточно редко. Присутствовали в его собрании и большие топоры лесорубов, и изящные плотницкие ремесленные топоры, и просоленный морским воздухом топор с судовой верфью, и короткие инструменты мясника – секачи. Бережно хранил он декоративный двулезвийный лабрис, несколько длинных неудобных валашек, парочку инкрустированных топоров тонкой работы и даже старинный кельт, который был привезён как-то из дальней поездки. Вершал эту коллекцию огромный, с лезвием в два локтя длиной, бердыш, используемый лишь в особых случаях.

Совсем по-отечески старик относился к своим инструментам. Внимательно, до дотошности, он следил за их состоянием. Лезвия всегда оставались остро отточенными, чистыми и блестящими. Если топоры начинали хоть чуточку расшатываться в проушине, он тут же менял его на новое, аккуратно вытачивая деталь во дворе своего дома одним из свободных долгих вечеров. Иногда, если дело касалось изогнутых рукоятей ремесленных или боевых топоров, он делал заказ знакомому плотнику, но непременно самостоятельно обстругивал ту часть, на которую насаживался сам топор. Если топор терял свою остроту или зазубривалась режущая кромка при неудачном ударе, старик направлялся в кузницу и работал на точильном камне или, разогрев лезвие до красного каления, несколькими точными ударами возвращал былую форму. Маслом и животным жиром смазывались лезвия топоров до и после работы, и немислимое казалось, чтобы он забыл протереть один из своих инструментов или смог оставить его в грязи. В редких случаях, если какой-либо из старых топоров покрывался бурными пятнами ржавчины, всегда наготове была особая паста из дубовой коры и золы, которую старик втирал в разогретый металл, защищая орудия от развития коррозии.

Он не считал себя большим знатоком истории топоров, он был практик. Вот уже больше сорока лет старик работал этими инструментами, а собирал их ещё дольше. Значительная их часть была сделана собственноручно, что-то подарили друзья или поклонники его труда. Несколько – не много – достались ещё от отца. Разумеется, его коллекция не была и не могла быть одной из крупнейших. Некоторые дворяне также любили топоры и хранили их в своих оружейных, наряду с другим оружием. Ходили слухи, что у иных ярлов северных княжеств, стены каждой комнаты в замке увешаны боевыми топорами и клевцами, алебардами и секирами, украшенными инкрустацией и позолотой, с чекаными узорами и клеймами именитых мастеров, резными рукоятями из дерева, кости, рога северного оленя или клыка моржа. Но могли ли они похвастаться, что все топоры из их богатых собраний хотя бы раз использовались по назначению – конечно же нет. А старик помнил каждый шрам, каждую мелкую насечку на лезвии своих любимцев. Помнил истории, с этим связанные и обстоятельства, при которых ему довелось применить их в деле. Трепетно лелея надежды дополнить свой арсенал каким-нибудь новым, не виданным ранее, экземпляром, он ни за что не расстался бы ни с одним из своих старых знакомцев.

Утро выдалось ветреным и прохладным в день церемонии. Стайки облаков пронеслись по небу, время от времени опрокидывая маленькие порции дождя в разных частях города. Город просыпался, распахивались веки ставен, лоточники торопливо катили тележки с товаром, чтобы занять лучшее место на площади, где сегодня соберётся толпа, глашатаи обегали город, разнося свежие вести. Встав с маленькой жёсткой лавки, которая ему служила постелью, старик принялся разминать затёкшие суставы. В последнее время боли в членах часто беспокоили его по утрам, особенно в сырую, промозглую погоду. Застарелые шрамы, вывихи и растяжения, случавшиеся по юношеской неопытности, не прошли бесследно, да и солидный возраст брал своё. Порой, после долгой работы в кузнице или когда он нёс тяжёлые вёдра с водой, по два в коромысле на каждом плече, спину пронзала сильная боль. Тогда приходилось останавливаться и ждать, пока она поутихнет. Но ни разу не случилось такого во время работы. Старик прекрасно знал, что ему нет равных. Знал, как ценится его труд, и что не может подводить людей, доверивших ему это. Но кроме скромного трудового честолюбия, важно было ещё и его личное отношение к топорам. Он считал себя навеки связанным с ними, и не мог допустить, чтобы в случае его слабости, кто-то принялся обвинять в произошедшем его инструмент. Умывшись из чана с тёплой дождевой водой, он взглянул на свои грубые руки. Некогда могучие, заслужившие славу одного из лучших кулачных бойцов города, теперь они были покрыты мозолями и рубцами, а выступавшие вены неровными змейками расплзлись по предплечьям. Едва заметная дрожь появилась в них не так давно, и сейчас он несколько раз сжал и разжал кулаки, с удовлетворением отметив как наливаются мускулы. «Ничего, – подумал старик со снисхождением, – по крайней мере у меня по-прежнему обе руки на своём месте. И едва ли найдётся ещё такая пара рук, которые так же смогут делать мою работу».

Как всегда, он не завтракал перед работой. Двое мальчишек, которые помогали ему в дни церемоний, уже ждали распоряжений. Это были дети городских бедняков, прислуживающие в остальные дни его доброму знакомому – кузнецу. Тот кормил их и понемногу обучал ремеслу, поскольку супруга за долгую совместную жизнь подарила ему три дочери и ни одного сына. У старика не было детей. Жена умерла уже так давно, что успеет она родить наследника, юноша к этому времени успел бы постигнуть секреты его ремесла и готовился стать отцу заменой. Старик нацепил плотный кожаный фартук, взял свёрток с инструментами и вышел из дома.

Капли дождя гулко бились о глиняную черепицу ближайших домов. Небольшие ручьи катились между крупными булыжниками мощёной улицы, поблёскивая в лучах то и дело проглядывавшего из-за туч солнца. Немногочисленные оставшиеся дома жители этой улицы кто боязливо, кто с интересом поглядывали на эту странную компанию. Впереди, перекинув через плечо массивную торбу, позвякивающую металлом, и заткнув пару топориков за пояс, выступал старший из двух братьев. Он шёл широким размеренным шагом, поглядывая по сторонам и то и дело подставляя своё хмурое худое лицо под освежающий летний ливень. За ним плёлся его младший братишка, маленький, с веснушчатым лицом; он то нагонял своего брата, то семенил мелкими шажками, пытаясь поудобней ухватить здоровенную секиру. Инструмент то и дело соскальзывал вниз и волочился по земле, подскакивая на булыжниках мостовой. Замыкал процессию старик; со свёртком под мышкой и в фартуке он напоминал точильщика ножей, отправившегося на свой ежедневный промысел. Прохожих было немного, а те, кто попадался, двигались в ту же сторону, ускоряя шаг при встрече. Все они также спешили на церемонию. Старик нагнал младшего мальчишку, который уже выбивался из сил, и, забрав у того тяжелую ношу, водрузил себе на плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.